

Интервью Клаудио Грасса с Джеймсом Патриком

Клаудио Грасс в беседе с Джеймсом Патриком, автором документального фильма "Остановите это! Великий захват".

Клаудио Грасс

пнд 21 июл 2025

Как хорошо знают многие мои клиенты, друзья и постоянные читатели, большую часть последнего десятилетия я посвятил критике всех великих зол и нарушений, совершаемых государством и его сговорившимися с ним представителями кланового капитализма. Я писал подробные аналитические материалы и выступал с множеством речей, предостерегая сограждан об опасностях, которые таятся в захвате власти государством и авторитарных посягательствах. Самые серьезные из этих рисков, без исключения, связаны с денежной системой и банковским сектором. В конце концов, тот, кто контролирует деньги, контролирует мир.

К настоящему моменту те из нас, кто изучал историю денег и внимательно наблюдает за тем, как функционирует нынешняя система, хорошо осознают, что фиатные валюты лишены какой-либо реальной ценности. Всё их мнимое значение полностью зависит от государства, и даже сама идея собственности на собственные сбережения — это иллюзия. Вкладчики могут однажды проснуться и обнаружить, что у них больше нет доступа к своим банковским счетам, как это было в Канаде, или что часть их сбережений просто исчезла, как это произошло на Кипре.

Однако гораздо более тревожным сюрпризом может стать то, что этот риск и неопределенность в отношении прав собственности распространяются и на ценные бумаги. В следующем интервью Джеймс Патрик рассказывает о теме своего нового документального фильма [“STOP IT! The Great Taking”](#) (“Остановите это! Великий захват”), который проливает столь необходимый свет на малоизвестную, но имеющую глубокие последствия трансформацию глобального законодательства о ценных бумагах. Он раскрывает шокирующий сдвиг, произошедший в результате ряда законодательных изменений в США и ЕС, которые очень осторожно передали юридические права от инвесторов крупным финансовым учреждениям. Это привело к юридическому переопределению прав собственности на акции, облигации и другие активы, которые инвесторы считают полностью принадлежащими им, хотя на практике, фактически и юридически это не так.

Клаудио Грасс (КГ): Рад снова поговорить с Вами, Джеймс. Многие слышали термин «Великий захват», введенный Дэвидом Уэббом, но не могли бы вы кратко изложить его суть?

Джеймс Патрик (ДП): Конечно. Эта история связана с мошеннической практикой, которая развилась в сфере финансовых услуг: тайное использование клиентских ценных бумаг в качестве залога для собственных сделок, а также передача их другим компаниям для обеспечения спекулятивных операций. Эта практика стала широко распространённой в 1970-х годах, однако законодательные изменения, легализующие данное мошенничество, были приняты в США в 1990-х и согласованы с законодательством ЕС в 2000-х.

КГ: Так чьи именно ценные бумаги используются? Это акции и облигации, которые розничные инвесторы покупают через своих брокеров?

ДП: К сожалению, это касается всех ценных бумаг на рынке. Все инвесторы — крупные и мелкие, включая институциональных и опытных участников — подвергаются риску из-за возможного банкротства их брокеров и вышестоящих финансовых посредников в системе. Даже когда клиентам говорят, что их счета

якобы «разделены», на самом деле это не так. Все клиентские ценные бумаги хранятся в общих (сводных) счетах и оттуда используются как залог. Это происходит снова и снова в виде так называемых «цепочек перекрестного залога» (*rehypothecated collateral chains*).

Когда любая из таких компаний, использующих клиентские активы, терпит крах, клиенты имеют право лишь на «пропорциональную долю» (*pro rata share*) от того, что осталось от активов компании. Они имеют второстепенное право на возмещение своего имущества - после обеспеченных кредиторов по контрактам, в которых их ценные бумаги были указаны в качестве залога.

КГ: Это довольно удивительно. Как это вообще может быть законно?

ДП: В ответ на ваш вопрос, вот как это стало законным. Мошенническое использование залогового имущества клиентов началось как незаконное действие и превратилось в широко распространенную практику в отрасли. Это привело к согласованным многолетним лоббистским усилиям, направленным на внесение значительных изменений в законодательство о ценных бумагах и банкротстве с целью легализации этой практики. Эти изменения в законодательстве подвергают всех держателей ценных бумаг полному риску потери в случае банкротства компаний, использующих их ценные бумаги.

Первое крупное изменение в законодательстве было внесено в США в 1994 году через пересмотр Статьи 8 Единого торгового кодекса (UCC), которая является основным разделом, регулирующим операции с ценными бумагами. Эта поправка к UCC ввела два новых юридических понятия. Первое из них — это замена прямого права собственности на ценную бумагу на договорное требование к ней, называемое «право на получение ценной бумаги» (*Securities Entitlement*). Существенно то, что договорное требование имеет крайне слабую юридическую силу в случае банкротства.

Вторым новым юридическим понятием стало то, что в случае банкротства приоритет на клиентские ценные бумаги предоставлялся обеспеченному кредитору по деривативному контракту, использующему клиентские ценные бумаги в качестве залога, и этот приоритет стоял выше прав самого клиента (держателя права на получение ценной бумаги). Пересмотр Статьи 8 в 1994 году послужил моделью для гармонизации этих изменений в законодательство ЕС в период с 2004 по 2014 годы, что подтверждается документами между «Группой по юридической определенности» (*Legal Certainty Group*), рабочей группой, ответственной за внедрение этих изменений в законодательство ЕС, и юристами Федерального резервного банка Нью-Йорка.

КГ: Итак, клиенты рискуют полной потерей своих средств в случае банкротства компаний, использующих их активы, верно? И кто именно является обеспеченными кредиторами?

ДП: Ценные бумаги клиентов размещаются в качестве первоначального залога по деривативным контрактам, и если рынок движется в направлении, противоположном их позициям, они должны предоставить дополнительное обеспечение, иначе их первоначальный залог будет аннулирован. Каждый деривативный контракт имеет обеспеченного кредитора, который получает контроль над заложенным обеспечением. Проблема, с которой столкнулась отрасль, заключается в том, что когда ценные бумаги клиентов многократно используются в качестве залога по нескольким деривативным контрактам, и эти контракты не выполняются, обеспеченные кредиторы по этим невыполненным контрактам получают право на залог. Но таких кредиторов не один, а много, и между ними возникает спор о приоритете. Отрасль нуждалась в правовой определенности, что обеспеченные кредиторы будут иметь приоритет перед клиентами. Чтобы деривативная отрасль могла функционировать с таким уровнем левириджа, необходимо было устранить права клиентов на их имущество.

Ещё одним значительным юридическим препятствием для отрасли было законодательство о банкротстве. До изменений в этом законодательстве, если ценные бумаги клиента изымались накануне банкротства, это считалось бы конструктивным мошенничеством или мошеннической передачей. Поэтому в 2005 и 2006 годах в США были приняты федеральные изменения в законодательство о банкротстве, которые изменили положения так называемого «безопасного порта» (Safe Harbor) и ввели исключения по статье 546(e), которые специально освобождали от ответственности за мошенничество. Фактически они сделали исключения именно для тех случаев, которые соответствуют критериям конструктивного мошенничества и мошеннической передачи. Я понимаю, что всё это звучит фантастически, но это правда и записано чёрным по белому в законе.

Эти изменения в законодательстве привели к бурной спекуляции на рынке деривативов, который сейчас оценивается примерно в 2 квадриллиона долларов. Общая номинальная стоимость всех ценных бумаг, хранящихся в Depository Trust and Clearing Corporation (DTCC) в Нью-Йорке и Euroclear в Бельгии, составляет около 130 триллионов долларов. Поскольку не все эти 130 триллионов используются в качестве залога, речь идёт о системном уровне кредитного плеча (левириджа) свыше 20 раз, при этом кредитное плечо по казначейским облигациям США иногда превышает 150 раз.

КГ: Почему средний инвестор совершенно не осведомлен об этой проблеме? Даже опытные профессионалы, скорее всего, не до конца осознают риски, которым они подвергаются на рынках. Как такие невероятно важные и кардинальные изменения в законодательстве могли произойти без какого-либо публичного обсуждения, не говоря уже о дебатах?

ДП: Эти изменения были введены незаметно, но на самом деле были на виду. Хотя от них выиграла в целом банковская отрасль, рынок репо и деривативов, очень немногие в отрасли понимают общую картину и более широкие риски, которые это создало... А крупные институциональные инвесторы не имеют об этом ни малейшего представления, не говоря уже о розничных клиентах, даже если у них на рынках сотни миллионов долларов.

Наряду с этими изменениями, рынок репо, который был фактически создан JPMorgan, стал основным денежным рынком между банками. Эти договоры репо по своей сути склонны вызывать системную неликвидность в случае спада на рынке. БМР (Банк международных расчетов) подготовил множество отчетов, в которых предупреждает о «спирали маржи» в таком сценарии.

КГ: Вау, так что же можно с этим сделать?

ДП: Честно говоря, в пределах ЕС не так много, поскольку большая часть этого уже закреплена в кодексе ЕС, который имеет приоритет над национальным законодательством. Поэтому, если не ликвидировать сам ЕС, я не вижу четкой правовой стратегии, которая позволила бы что-либо изменить. Национальные правительства стран ЕС должны отстаивать свой суверенитет, выйти из ЕС и защитить своих граждан.

Но в США, поскольку фундаментальное изменение законодательства было принято на уровне штатов, его можно отменить также на уровне штатов, устранив несколько исключений, введенных в пересмотре Статьи 8 в 1994 году. Это разрушило бы юридическую структуру, которую индустрия создала для обременения клиентских ценных бумаг. Если такие законопроекты об изменении Статьи 8 будут приняты хотя бы в одном штате, это позволит крупным компаниям переписать свои кастодиальные (депозитарные) контракты под законы этого штата, обеспечив им приоритет в правах на ценные бумаги в случае банкротства их брокера или других финансовых посредников, использующих эти ценные бумаги в залог.

Если мы не внесём эти изменения, мы не будем владеть ничем и останемся несчастными.

КГ: Можете ли вы немного подробнее остановиться на последнем пункте? Если ничего не изменится, что, по вашему мнению, произойдет дальше? Каким, по вашему мнению, будет худший сценарий развития событий и какие «домино» должны упасть, чтобы он реализовался?

ДП: В худшем сценарии мы увидим падение цен на рынке деривативов, что вызовет цепную реакцию требований дополнительного залога (collateral calls). В результате залоговое имущество будет распродаваться независимо от рыночной цены, весь рынок залогов замёрзнет, а все ценные бумаги клиентов превратятся в казначейские облигации США и будут изъяты обеспеченными кредиторами.

В конечном итоге именно банки «слишком большие, чтобы обанкротиться» поглотят весь залог. Все потеряют свои сбережения, а богатство общества перейдёт в руки немногих, и никто не сможет оспорить это законным путём — разве что посредством вооружённой революции. Мы будем жить в гораздо более бедном мире, описанном инициативами ООН, такими как C40.org, где мясо и молочные продукты, дальние поездки и автомобили станут недоступны для обычных людей, которые будут жить в так называемых «городах 15 минут» — где всё необходимое расположено в пределах пятнадцатиминутной доступности пешком или на велосипеде.

КГ: Как Вы стали заниматься этим вопросом?

ДП: Ну, я из Вашингтона, округ Колумбия... не судите меня за это... и я всегда исследовал, кто на самом деле контролирует наше «вышедшее из-под контроля» правительство. Я пришёл к выводу, что именно банковские интересы, стоящие за Федеральной резервной системой, на самом деле управляют всем. Поэтому я искал лучшие анализы того, как работает Федрезерв, и это привело меня к австрийской экономике. Она дала лучший анализ бизнес-цикла и проблем, возникающих из-за системы частичного резервирования. Практика, которой уже около 300 лет — когда банки выдают кредиты из депозитов клиентов, а проценты по этим кредитам являются прибылью банка — удивительно похожа на современную практику индустрии, когда клиентские ценные бумаги закладываются и выдаются в займы, а доход от этих сделок становится прибылью фирмы.

Я как раз заканчивал докторскую диссертацию по реформе денежно-кредитной системы и банков, а также по угрозам цифровых валют центральных банков (CBDC) для гражданских свобод, когда начался эпизод с ковидом. Массовое нарушение наших гражданских прав меня очень разозлило, и я решил что-то с этим сделать — так я приступил к созданию крупнейшего международного

документального фильма на эту тему под названием *Planet Lockdown*, в который Вы, Клаудио, внесли большой вклад. 18 месяцев назад я встретил Дэвида Уэбба на конференции в Швеции, где мы оба выступали. Я подошёл к нему с предложением снять фильм по этой проблеме, и мы решили сделать документалку. Он и несколько других банкиров, некоторые из которых работали на рынке евродолларов, помогли мне разобраться в вопросах ценных бумаг и обновить моё понимание финансовых рынков там, где австрийская школа экономики остановилась.

Через три месяца после начала работы над фильмом несколько юристов в Южной Дакоте, прочитавших книгу Дэвида, начали вводить законопроекты на уровне штата о поправках в Статью 8 Единого торгового кодекса, которые восстановили бы приоритет клиентов на их ценные бумаги перед обеспеченными кредиторами. Мы брали интервью у Джи Эдварда Гриффина, когда Дэвид и я впервые услышали об этих усилиях, и фильм быстро стал рассказывать о законодательных инициативах 2024 года по изменению Статьи 8 — остальное уже история. Именно Джи Эдвард Гриффин предложил назвать фильм «*STOP IT!*». Фильм вышел в конце января и его можно бесплатно посмотреть на сайте TheGreatTakingReport.com.

КГ: Можете ли Вы немного рассказать о своем опыте съемок фильма? Сталкивались ли вы с какими-либо препятствиями во время производства или после выхода фильма?

ДП: Если Вы имеете в виду преследование, то нет, не сталкивался. По-прежнему очень мало людей знают об этой проблеме, а те, кто знает что-то частично, не понимают её более широких последствий. Именно благодаря таким интервью, как это, больше людей могут узнать об этом и начать оказывать давление на своих законодателей, чтобы отменить эти законы, легализующие кражу и мошенничество.

КГ: Вот это история! Хотелось бы что-то еще добавить в заключение?

ДП: Все могут посмотреть фильм на сайте TheGreatTakingReport.com. Я также публикую технический отчёт для опытных инвесторов и управляющих фондами, чтобы помочь им лучше понять присущие риски на рынке ценных бумаг. В моём отчёте рассматриваются соответствующие изменения в законодательстве США и ЕС, которые подорвали права собственности на ценные бумаги, а также описываются неосознанные риски, с которыми сталкиваются все инвесторы.

Я также хотел бы призвать всех граждан США обратиться к своим законодателям на уровне штатов с просьбой внести поправки в Статью 8. Это реалистичная цель и первый шаг к восстановлению наших прав собственности и мирному сдуванию пузыря деривативов на сумму в 2 квадриллиона долларов, который угрожает обрушить мировую экономику.

Все желающие могут обращаться ко мне с вопросами по адресу info@TheGreatTakingReport.com.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Гриффин, Эдвард Г. Уэбб, Дэвид Федеральная резервная система (ФРС)

Депозитарная трастовая и клиринговая корпорация, DTCC BIS